
В помощь экскурсанту
и туристу.

А. Шеманский.

С. Гейченко.

ПЕТЕРГОФСКИЙ

НИЖНИЙ ДВОРЕЦ

(б. ДАЧА НИКОЛАЯ II)

ЭКСКУРСИОННО-ЛЕКТОРСКАЯ БАЗА Л.О.О.Н.О.
Управление Петергофских Дворцов-Музеев.

ПЕТЕРГОФСКИЙ

НИЖНИЙ ДВОРЕЦ

(б. ДАЧА НИКОЛАЯ II)

1929.

Петергофский Нижний Дворец, постр. арх. Томишко.

Петергофский Нижний дворец был дачей Николая II на протяжении почти всего его царствования, вплоть до 1914 года, и замечателен прежде всего тем, что ни в архитектуре, ни в убранстве его нет ничего специально „царского“. Это—хороший образец среднего буржуазного жилища. И последние Романовы приезжали в Петергоф особенно охотно потому, что эта обстановка жизни вполне соответствовала их художественным и бытовым требованиям.

В Петергофе, больше чем где-нибудь, они искали уединения. Но история не считается с желаниями царей, она наполнила петергофскую жизнь Николая II событиями крупного политического значения, вплоть до манифеста 17 октября 1905 года, и не позволила Николаю II замкнуться в скорлупе семейственности и личной жизни.

А в петергофском уединении Николаю II было о чем подумать. Несоответствие самодержавия экономическому и политическому развитию страны—становилось с каждым годом все более острым и грозным. Революционное движение захватывало и организовывало все большие народные массы, завоевывало армию и даже—наиболее преданные престолу гвардейские части. Шкурный страх за жизнь и за престол, унаследованный Николаем II от отца и деда, достигает предельных размеров. От этого страха не спасают ни усиленная охрана, ни заигрывание с гвардией, ни карательные экспедиции.

И в семейной жизни далеко не все было благополучно. Безрассудная политика защиты неограниченного самодержавия, настойчивые желания возместить самодержавные убытки 1905 года, — возбуждали в многочисленной родне надежды на дворцовый переворот, домашнюю революцию. Эти надежды подкреплялись неизлечимой болезнью наследника и жадностью окружавших трон — к „семейному пирогу“.

Не видя вокруг себя опоры, Романовы в подтверждение своих прав обращаются за помощью к иконам, мощам и „божьим людям“. Спиритические сеансы модных иностранцев, пророчества российских юродивых и кликуш создают видимость семейного и государственного благополучия, но не спасают Романовых от быстро — надвигающейся катастрофы. И в 1914 году, покидая навсегда Петергоф, Романовы уже переживают начало конца.

Нижний дворец

расположен на берегу моря в северо-восточном углу парка „Александрия“. 1) Сперва в 80 годах был сооружен архитектором Томишко не большой павильон с высокой башней. Первоначальный характер здания— позже тот же архитектор нарушил по заказу Николая II пристройкой Детской половины. В результате этого—Нижний дворец и получил внешний облик обычного загородного дома капиталиста средней руки.

Направляемся внутрь дворца, где в одной из комнат нижнего этажа 2) расположено введение дополнительной выставки, развернутой по всему дворцу и в целом рисующей быт Николая II в Петергофе. Выставка построена по следующим темам: 1) охрана царя и покушение на него в Петергофе, 2) последний самодержец и первая русская революция, 3) „миропомазанническая“ идеология и трагедия престолонаследия. Главной темой введения является:

Охрана Николая II.

Чтобы герметически закупорить 100 десятин Александрии от враждебного внешнего мира, ежегодно в Петергоф перебрасывались сотни и тысячи солдат. А кроме них—служительские команды, дворцовая полиция и охранная агентура. Во главе личной охраны

1) Царское имение «Александрия» основано Николаем I в 20-х г. г. 19 века и названо так в честь его жены Александры Федоровны.

2) В нижнем этаже были помещения дежурной прислуги; разрушенные наводнением 1924 года, они не сохранили бытового убранства.

стоял дворцовый комендант, переезжавший с царем из одной резиденции в другую и пользовавшийся правом почти ежедневного доклада. Все многочисленные нити оберегания „священной особы“ сходились к нему. Только от одного Сводно-пехотного полка в ежедневный наряд по Александрии назначалось 223 человека на 44 постах.

Многочисленные инструкции и „обязанности“ чинов охраны были тщательно и подробно разработаны и принимали в расчет обережение не только жизни, но и любой минуты настроения „его величества“. Ночным часовым у Нижнего дворца строго наказывалось „На посту ходить как можно тише и не кашлять“ (см. витрину № 3).

Политическая благонадежность чинов охраны, дворцовых служащих и даже временных садовых рабочих, бывала всегда предметом особого внимания охранной агентуры. Но несмотря на все старания, „революционная зараза“ проникала даже в среду охранников. В 1907 году охранной агентуре стало известно, что „среди матросов военных кораблей несущих береговую охрану Александрии и на императорских яхтах имеются члены партии с.-р. и с.-д.“. Подобные откровения естественно увеличивали в Романовых страх и неуверенность при самой сложной и многочисленной охране (см. витрину № 2).

Вместе с переездом Николая II в Александрию, Петергоф ежегодно становился одним из центров внимания революционеров-террористов. Исключительного внимания заслуживает покушение на Николая II, предпринятое в 1907 году партией эс-эров. Организатором был бывший лейтенант черноморского флота Борис Николаевич Никитенко. Среди участников—Наумов, сын начальника дворцовой телеграфной конторы. Содействие покушению обещал казак конвоя Ратимов. Один из проектов покушения, относился к петергоф-

скому Нижнему дворцу. Под видом конвойца, якобы с казенным пакетом, революционер должен был проникнуть в камердинерскую комнату находящуюся как раз под кабинетом царя, ¹⁾ и бросить снаряд. Но покушение не удалось. Казак Ратимов оказался провокатором. Он выдал всю организацию и получив в награду три тысячи рублей, отправился в бессрочный отпуск. Но и без Ратимова дело с самого начала было обречено на неудачу. Во главе боевой организации эс-эров в 1907 году еще стоял Азеф. Связь Азефа с департаментом полиции обусловила неудачу замыслов Никитенко и его друзей. Приговором военно-окружного суда трое из подсудимых Никитенко, Синявский и Наумов были „признаны виновными в приготовлении к посягательству на священную особу государя императора и осуждены к смертной казни через повешение“. Приговор был приведен в исполнение 21 августа 1907 года—на Лисьем Носу. В делах корпуса жандармов сохранился счет на расходы по повешению трех человек: извозчик, покупка веревок, колец и мешков, „всего на сумму 7 р. 55 коп.“ (См. витрину № 4).

Прежде, чем начинать осмотр самого дворца следует еще остановить внимание на „датах пребывания Николая II в Петергофе“. Мы видим, что от 1895 года до 1914-года—он живет в Петергофе от мая—июня по август—сентябрь. в среднем около трех месяцев. Но годы 1905, 1906 и 1907 дают необычные даты. Особенно долго, до ноября, остаются здесь в 1905 году. И не только по собственному желанию, спасаясь в петергофском уединении от гнева первой Революции, но часто запертые в Александрии, как в мышеловке.

¹⁾ Именно в этой комнате выставлены теперь документы касающиеся покушения.

Вестибюль

уже вскрывает двойственность, присущую всем жилищам последнего царя. Ни отделкой, ни обстановкой, парадный вход не отличается от обычного под'езда буржуазного особняка. Но здесь в соответствии с правилами придворной жизни в приемные часы дежурил скороход в костюме 18 века. На его обязанности лежало проводить очередного докладчика из расположенной под лестницей, так называемой „ожидальни министров“—в приемный кабинет царя. Книжки для записи „имевших счастье“ представлялись Николаю II в этом дворце, воскрешают длинную вереницу звездоносцев, проходивших здесь в ежедневном параде расшитых золотом мундиров. Здесь в тревожные дни 1905 года—частым и желанным гостем был Витте. Здесь же 15 июля 1904 года ждали и не дождались министра Плеве, который был взорван по дороге в Петергсф бомбой Сазонова.

Поднявшись по парадной лестнице, начинаем осмотр дворца с парадных комнат. Первая из них

Розовая гостинная.

Внутренняя отделка и обстановка дворца была исполнена мебельным фабрикантом Мельцером в стиле Модерн, модном стиле особняков и дач крупной буржуазии.

На фоне этого быта цветочных вазочек и расписных горшков, любительских фотографий и веселеньких картинок -- резко выделяется полуофициальный портрет Александры Федоровны, работы любителя Шипова. Нарочито подчеркнутая „царственность“, по видимому, считалась главным достоинством портрета. Почти все картинки военного содержания и напоми-

нают стремление Романовых видеть в армии верную защиту и опору трона. Дальше мы увидим, каковы были пути к тому, чтобы укрепить „добрососедские“ отношения между армией и царем.

Кабинет Николая.

Дубовая обшивка стен и обитая кожей мебель напоминают приемный кабинет финансового дельца конца 19 века. Но буржуазный стиль не мог быть выдержан до конца и был нарушен не только событиями, о которых помнят эти стены, но и в самой внешности кабинета—содержанием картинного убранства. Мы видим портреты Петра I, самодержавный облик которого не переставал быть недостижимым образцом для всех последующих Романовых,—Николая I, отметившего свое царствование последним расцветом самодержавно-дворянской власти, и Александра III, (работы Серова) завещавшего сыну „свято и незыблемо хранить заветы самодержавия“. Идеология, заключенная в этой маленькой выставке портретов, определила личное поведение Николая II, но не определила истории его царствования. Первая катастрофа, долго подготавливавшаяся переходом России на буржуазные рельсы и не считавшейся с этим реакционной политикой, разразилась в 1905 году.

Из событий, связанных с пребыванием Николая II в Петергофе в годы революции, 1) прежде всего следует отметить секретные совещания о „булыгинском“ проекте Государственной думы в Большом Петергофском дворце в июле 1905 года. Петергофские совещания кончились ничем. Разрешение вопроса о конституции было дано в аудитории гораздо Большого масштаба—на митингах и в кровавых стычках Октябрьской

1) См. витрину дополнительной выставки.

стачки.—Захватив балтийскую железную дорогу, забастовка заперла царя в Петергофе. „Единственное сообщение с городом морем—как это удобно в такое время года“—с сокрушением писал Николай. У правительства были два выхода—военная диктатура без особых надежд на успех или конституция. 17 октября Николай записал в дневнике „Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи помоги нам, спаси и умири Россию“. Но „свободы“, дарованные манифестом, подписанным в этом кабинете, могли успокоить только буржуазию. Для рабочего класса борьба с самодержавием стояла в порядке дня 18 октября так же как и 16-го. А участие господ бога в умиротворении недовольных царской „милостью“ выразилось в напутственных молебнах карательной экспедиции генерала Орлова в Прибалтику, а Мина с семеновцами—в Москву. В благодарность за верную службу престолу Николай устроил для семеновцев празднества, длившиеся три дня с 16 по 18 июля 1906 года. Угощение офицеров и солдат полка, прогулка с музыкой по Александрии с участием всей царской семьи имели целью закрепить оборонительный и наступательный союз царя и гвардии против народа. Фотографии, собранные в особый альбом, с надписью „счастливейшие дни в жизни семеновцев“, должны были в трудные минуты успокаивать Николая и приводить его в приятное расположение духа. А в этом успокоении была тем большая необходимость, что не все гвардейские полки ровнялись по Семеновскому. В том-же 1906 году и тоже для охраны царя в Петергофе находились Преображенцы. И в этом полку вспыхивает бунт. Выставляется ряд требований, среди них—категорический отказ от несения полицейской службы и требование наделения крестьян землей. Страх и бешенство царя не имели пределов, и строгое наказание преображенцам не за-

медлило. Но еще больше крови испортили Николаю II Свеаборгское и Кронштадтское восстания, вспыхнувшие в те дни, когда он угощал семеновцев чаем и разговорами.

Героическим ответом на Московскую „службу“ семеновцев и на царскую им благодарность—прзвучал выстрел Зинаиды Конолянниковой на Ново-Петергофском вокзале. Будучи членом летучей боевой дружины партии эс-эров, она казнила генерала Мина по приговору этой партии. Чаша царского терпения переполнилась и в письме к матери из Петергофа Николай II изливает жалобы и бессильную злобу: „С тех пор, что ты уехала, мы сидели здесь почти запертые в Александрии, такой стыд и позор говорить об этом. После убийства бедного Мина, ободренные этим успехом для них, мерзавцы анархисты приехали в Петергоф, чтобы охотиться на меня, Николашу, Трепова, Орлова и толстого кн. Орлова... Поэтому мы с такой радостью уходим завтра на „Штандарте“ в море, хоть на несколько дней прочь от всего этого позора“.

Столовая.

Белые панели стен, такая-же мебель, откидные столы и замаскированный буфетом лифт для подачи снизу кушаний,—все это напоминает кают-компанию хорошего пассажирского парохода. На стенах кроме эскиза Репина „Бракосочетание Николая II и Александры Федоровны“,—интересны картины, связанные с отделкой комнаты: акварель Скворцова, изображающая яхту „Штандарт“ в плавании, портреты Николая II в морской форме и наследника Алексея в виде юнги „Штандарта“.

Почти ежегодно—половину своего официального пребывания в Петергофе—царская семья проводила на „Штандарте“ в шхерах. Близость петергофского дворца

к морю была близостью к „Штандарту“, а выше приведенные слова Николая „мы с такой радостью уходим завтра на „Штандарте“ в море, хоть на несколько дней прочь от всякого этого позора“,—заставляют нас видеть в этих поездках на яхте не только прогулки для отдыха на лоно природы. Эти частые, иногда даже вынужденные, царские экскурсии были ничем иным, как своеобразной эмиграцией от императорских обязанностей и неудач. Та географическая изолированность, которую Романовы искали в петергофском затворничестве, вполне достигалась только на Штандарте“, где кроме команды „преданных“ матросов и небольшого числа прислуги никто не нарушал семейного благополучия. В связи с этим становится понятной парходная отделка столовой, как постоянное напоминание о „Штандарте“.

Кабинет Александры Федоровны.

Мебель карельской березы размещена так, что делит комнату пополам: левая часть была собственно кабинетом, а правую часть можно считать будуаром. Среди многих акварелей, украшающих стены, выделяется серия видов Дармштадта, родины последней русской императрицы.

Семейные привязанности Александры Федоровны кроме того отмечены большим фотографическим портретом ее отца—герцога Гессенского, напоминающего своим видом солидного буржуа. Особенного внимания заслуживает портрет Николая II. Акварель работы Бенкендорфа изображает его в костюме сокольничьего времен царя Алексея Михайловича. В этой же комнате имеются другие изображения, подтверждающие интерес Романовых к эпохе „тишайшего“ царя, Александра Федоровна на акварели Бем и собрание картинок Соломко на темы старорусской жизни. Это

стремление к прошлому еще отчетливой выразилось к концу царствования в постройке целого Федоровского Городка в старо-русском стиле в бывш. Царском Селе.

Среди бесчисленных мелочей заполняющих комнату достойны внимания три „игрушки для взрослых“. Из них самая любопытная—паяц на музыкальном ящике, исполняющем Марсельезу. Этот подарок Николай II получил от матери в утешение жалоб своих на революцию.—Уланская каска Александры Федоровны, подношение подшефного ей гвардейского полка, оправдавшего доверие шефа особенно беспощадным усмирением Прибалтийского восстания. И, наконец, стертая подкова, найденная при прогулке и принесенная „на счастье“. Из кабинета императрицы через столовую выходим на лестницу и поднимаемся в третий этаж, где за ванной и туалетной расположена

Спальня.

Эта комната, как и предыдущая, отделана английским белым с синими цветочками кретоном. Стена над кроватью сплошь увешана иконами, поясками, четками и пасхальными яйцами.

„Иконостас“ над кроватью показывает, что спальня Романовых была одновременно домашней молельней. Единственное светское изображение—большой фотографический портрет генерала Орлова, командира л.-гв. Уланского полка и незабвенного друга императрицы. Его роль в усмирении Прибалтики создала ему репутацию рыцаря-защитника царского трона, а трагическая смерть, м.-б., не без участия ревнивого мужа, закрепила за ним для Александры Федоровны ореол мученичества.

Религиозность Романовых, часто граничившая с мракобесием, составляла главную часть их идеологии.

Романовы не раз говорили и писали о том, что все их надежды направлены только на армию и бога. И так как армия далеко не всегда оправдывала эти надежды, то единственной и последней опорой оставалась божественная сила.

Немалую роль в этом сыграла и семейная драма. Отсутствие наследника делало шатким положение престола и разыгрывало аппетиты божьих линий семьи. Тщетные ожидания сына сказались даже в подборе картин, украшающих спальню. Почетное место отведено „богоматери с младенцем“ и „благовещанию“. А в роли новейшего архангела Гавриила оказался французский спирт и шарлатан Филипп. ¹⁾

Главной темой деятельности Филиппа был вопрос о рождении наследника. С его именем связан происшедший в 1902 году скандал ложной беременности императрицы. Он убедил ее в том, что она родит сына, и когда действительно определилась беременность, Филипп во время получил награды и чин русского военного доктора и благоразумно уехал в Лион. А когда наступило время, то Александра Федоровна не только не родила сына, но вообще никого не родила. „Правительственный Вестник“ сообщил о выкидыше, но неудача не излечила Романовых от веры в предсказания.

Высшее духовенство, обеспокоенное пристрастием царской семьи к заграничным „чудотворцам“, решило использовать все возможности своего влияния на духовную жизнь Романовых. При дворе появляется длинная вереница „божьих людей“ отечественного производства; они-то из своей среды выдвинули в качестве царского лампадника—сибирского старца Григория Распутина.

С рождением Алексея трагедия престолонаследия принимает новые и еще более безысходные формы.

¹⁾ См. витрину дополнительной выставки.

Ребенок оказался поражен неизлечимой наследственной в роду Гессенских болезнью—гемофилией. Единственный «действующий» способ лечения—заговор и заклинание. И первое, что определило превосходство Распутина среди прочей юродствующей братии, было умение успокоить больного ребенка и дать видимость улучшения в его здоровье. Но тобольскому кудеснику предстояла еще более широкая дорога. Из книги, подаренной французским спиритом, Романовы твердо усвоили, что „та страна, государь которой направляется божьим человеком, не может погибнуть“. И вакантное место „первого друга“ Романовых—Филиппа—скоро занял Распутин.

В результате его деятельности, в эпоху мировой войны, все нити управления страной сходились в руках этого некорованного самодержца. Крупная финансовая буржуазия ни одного важного дела не решала без Григория Ефимовича, а министерские посты и даже пост верховного главнокомандующего замещались по его указаниям.

Распутин, убитого в декабре 1916 года, уже никто не успел заменить. И перед лицом Революции—Романовы не нашли защиты „ни в армии, ни в боге“.

Минуя камер-юнгферскую (направо за шнуром остается „кофейная“), маленькую комнату с домашним телефоном и галлерей, украшенную фотографиями,—попадаем на Детскую половину. За гардеробной с большими дубовыми шкафами—следуют

Спальни дочерей.

Комнаты дочерей производят впечатление совсем дешевых. Простенькая обивка, заурядная мебель и грошевые картинки невольно наводят на мысль о том, что помещение дочери любого крупного чиновника было обставлено с большим комфортом и вкусом.

Комнаты их на редкость безличны. Почти повторяя одна другую, следуют спальни Марии, Татьяны и Ольги. Достойно внимания одно отличие: чем старше дочь, тем больше икон она имеет над кроватью и тем ближе облик ее спальни к родительскому „иконостасу“. Шефские ленты в спальне Ольги—напоминают, что и дочери привлекались к поддержанию популярности в армии царской семьи и каждая из них была шефом одного из полков.

Гостиная дочерей.

Мебель под красное дерево стиля „Модерн“—образец массовой фабрикации.

Ралле, фирма парфюмерных изделий, выпустившая в свое время модные „духи, пудру, мыло и одеколон“, в качестве премии выдавала фототипию „Нильская лилия“. И подобная картинка вместе с рекламами мыла Брокер и шоколада „Сиу и Ко“—нашли себе место на стенах гостиной царских дочерей.

Мимо буфетной и ванной дочерей спускаемся во второй этаж детской половины, целиком отведенный наследнику Алексею.

„Игральная“ Алексея.

Это помещение выгодно отличается от комнат его сестер и показывает чрезвычайные заботы о единственном сыне и наследнике.

Среди самых разнообразных комнатных и садовых игрушек имеется одна необычная: фигурка—портрет Августа Бебеля в виде Ваньки-встаньки. Вероятно это, как и паяц с Марсельезой, нравоучительный подарок Марии Федоровны. Особо выделяются и военные игрушки—подношения наследнику. Таковы, изготовлен-

ные на Путиловском заводе, точные модели орудия и пулемета; подарок Сибирского казачества—набор детского вооружения, ружье с надписью „На память от петергофских потешных“ и модель яхты „Штандарт“.

Спальня Алексея.

Крещение Алексея происходило в Большом Петергофском дворце при исключительной торжественности—с колокольным звоном всех церквей и салютом в 301 выстрел. По поводу рождения наследника был дан специальный манифест с царскими „милостями“, вплоть до полной отмены телесного наказания и прощения крестьянам и без того безнадежных недоимок. От сразу определившейся болезни не спасли никакая радость, никакие торжества. И безысходностью звучали слова профессора Федорова „Критический возраст государя наследника 18 лет“.

Болезнью Алексея объясняется отсутствие кровати, которая была заказана Берлинскому Ортопедическому Институту и кочевала из Петергофа в Царское. В картинном убранстве—серия ангелов-хранителей. И здесь последняя надежда обращалась к нереальному.

За комнатой—матроса Деревенько, состоявшего при наследнике, и часто дежурившего при нем во дворце находится

Приемная Алексея.

Первоначально эта комната была гостинной Александры Федоровны. Отделка и обстановка напоминают Розовую гостинную. Картинки Соломки и безделушки датского фарфора дополняют недетский характер комнаты.

Здесь происходили первые приемы Алексеем делегаций от гвардейских полков, разнообразных учреждений его имени и петергофского Отдела Союза Русского народа. Альбомы петергофских Конно-Гренадер и Алексеевского пехотного полка не исчерпывают государственных „обязанностей“ малолетнего наследника, бывшего шефом и числившиеся в списках 45 воинских частей.

Спускаемся по лестнице в нижний этаж и в комнате рядом с вестибюлем заканчиваем осмотр дворца.

Заключение.

3-го августа 1914 года Романовы навсегда покинули Петергоф и поселились безвыездно в Царском Селе. Прибрежное положение Нижнего дворца и отсутствие в Петергофе воздушной охраны не позволило им пользоваться дачей. Но и без их присутствия ежегодное содержание Петергофа по смете Министерства двора обходилось в 896.664 руб.

ПОСЛЕ ЭКСКУРСИИ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПРОЧЕСТЬ:

1. Покровский М. Н. „Русская история в сжатом очерке“ ч. III.
2. Витте „Воспоминания“ т. т. I и II.
3. Родзянко „Крушение империи“.
4. Григорович „Зарницы (наброски из рев. движения 1905—07 годов).“

Контрольные вопросы:

1. Чем объясняется сложность и многочисленность охраны Николая II-го?
 2. Почему не удалось покушение на царя в 1907 году?
 3. Когда и почему Николай II особенно долго жил в Петергофе?
 4. В чем смысл приема семеновцев в 1906 году в Петергофе?
 5. Чем объясняется особенная религиозность последних Романовых?
 6. Сопоставьте деятельность Филиппа и Распутина и сделайте вывод в чем их сходство и различие?
 7. Какие цели определяли военный характер воспитания наследника?
 8. Почему Романовы не жили в Петергофе после 1914 года?
-

В Помощь Экскурсанту и Туристу

выпущены следующие пособия:

1. **Черепнина.** Как и куда организовывать экскурсии стр. 110. Цена 40 к. Ленинград. Издание Политпросвета ЛООНО и к/о Л. О. С. П. С.
 2. **Пресман.** Петербург—Ленинград в прошлом и настоящем стр. 61. Цена 20 к. Ленинград. Издание Политпросвета ЛООНО.
 3. **Шеманский и Гейченко.** Петергофский Нижний Дворец стр. 20. Цена 10 к. Ленинград. изд. Политпросвета ЛООНО и Управления Петергофскими дворцами-музеями.
 4. **Шеманский и Гейченко.** Петергофский Коттедж стр. 20. Цена 15 коп. Ленинград. Издание Политпросвета ЛООНО и Управл. Петергофскими дв.-музеями.
 5. **Анциферов.** Пушкин в Царском Селе стр. Цена 20 коп. Ленинград. Издание Политпросвета ЛООНО.
 6. **Воздухоплавание и авиация.** (Программа и задания для самообразующихся по материалам Ленинградского Аэромузея) стр. 20. Цена 15 коп. Ленинград. Издание Политпросвета ЛООНО.
-

Цена 10 коп.